

ДУХЪ ВЕЛИКАГО ИНКВИЗИТОРА

(По поводу указа митрополита Сергія, осуждающего
богословские взгляды о. С. Булгакова).

«Князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими, но между вами да не будетъ такъ»

(Матвей, гл. 20, 25).

«Мы не съ тобой, а съ нимъ,
вотъ наша тайна».

Достоевский «Легенда о Великомъ Инквизиторѣ»

Указъ митрополита Сергія, осуждающей взгляды о. Сергія Булгакова им'еть гораздо бол'е широкое значеніе, ч'емъ споръ о Софії. Затрагиваются судьбы русской религіозной мысли, ставится вопросъ о свободѣ совѣсти и о самой возможности мысли въ православіи. Есть ли право славіе религія свободы духа или инквизиціонный застѣнокъ? Такъ какъ митрополитъ Сергій, очевидно, признаетъ, за собой и за свою Синодомъ непогрѣшимость, превышающую непогрѣшимость папскую, и хочетъ ввести католическую практику index'a, то рѣчь идеть о томъ, что такое православіе. Значеніе указа, осуждающаго о. С. Булгакова, не только очень компрометируется, но и совсѣмъ анулируется тѣмъ фактомъ, что м. Сергій книгу о. С. Булгакова не читалъ и составилъ свое сужденіе на основаніи изложенія нѣкоего г. Ставровскаго и сообщеній Фотіевскаго братства, т. е. на основаніи доноса. Если въ научной или философской литературѣ составляютъ себѣ сужденіе о взглядахъ какого-либо автора, не читая его книгъ, то это называется недобросовѣстностью и морально осуждается. Но въ литературѣ административно-правитель-

ственной, будь она церковной или государственной, слишком часто основываются на доносахъ и шпионахъ показанийхъ и тамъ этика, очевидно, другая. Не существует харизмы, допускающей суждение о кингахъ непрочитанныхъ. Мы тутъ имѣемъ дѣло съ явленіемъ характернымъ для нашей эпохи. Это церковный фашизмъ. Фашизмъ есть диктатура молодежи надъ мыслию. Если фашизмъ со своими насилиями и неуваженіемъ къ достоинству человѣка отвратителенъ въ жизни политической, то еще болѣе мерзокъ онъ въ жизни церковной. Отъ самаго указа на меня пахнуло затхлой семинаршиной. И я понимаю, какъ тяжелъ долженъ быть конфликтъ о. С. Булгакова, человѣка высокой интеллектуальной культуры, со старой семинаршиной, которая разомъ и отрицає мысль, требуетъ безмысленной вѣры, вѣры въ авторитетъ и пропитана самымъ вульгарнымъ рационализмомъ. Въ указѣ съ порицаніемъ и осужденіемъ о. С. Булгаковъ называется «истымъ интеллигентомъ» и этому, повидимому, приписываютъ его «еретические» уклоны. То ли дѣло, если бы о. С. Булгаковъ былъ лавочникомъ или консistorскимъ чиновникомъ, тогда ему, очевидно, были бы открыты тайны православія, закрытыя для человѣка интеллигентнаго. Православіе, повидимому, понимается, какъ религія сословно-классовая. Бытовое православіе всегда имѣла особенную склонность къ купцамъ и мѣщанамъ. О. С. Булгаковъ происходит изъ духовнаго сословія, онъ сынъ священника и воспитывался въ семинарии, но онъ имѣть высокій интеллектуальный стажъ, прошелъ сложный путь исканій, его имя вписано въ исторію русской интеллигенціи и этого ему никогда не простить старое классовое, мѣщанско-семинарское православіе. Но это какъ разъ и дѣлаетъ о. С. Булгакова человѣкомъ значительной судьбы. Къ такому человѣку недопустимо отношение, проявленное въ указѣ, лишенное всякой христіанской любви и всякой благодарности. Совершенно ясно, что м. Сергій отрицає богословскую мысль, отрицає не только свободу мысли, но самую мысль. Богословіе должно свестись къ писанію семинарскихъ учебниковъ. О. С. Булгаковъ понимаетъ христіанство иначе, чѣмъ семинарскіе учебники. Но пониманіе христіанства въ духѣ этихъ семинарскихъ учебниковъ и было одной изъ существенныхъ причинъ отпаденія отъ христіанства значительной части человѣчества. Съ такой рабьей и темной религіей болѣе развитое человѣческое сознаніе и совѣсть не могли примириться. Указъ м. Сергія хочетъ вернуть русское православіе къ тому состоянію безмыслия, въ которомъ оно находилось въ старомъ Московскому царствѣ, хочетъ зачеркнуть русскую религіозную мысль XIX и XX в. в., единственную, которая была въ православіи послѣ греческой патристики и византій-

скихъ теченій XIV вѣка. Вся русская религіозная мысль съ точки зрењія этого указа должна быть признана не ортодоксальной, вся она имѣеть тѣ или иные «еретическіе» уклоны. Осужденіе о. С. Булгакова есть вмѣстѣ съ тѣмъ осужденіе Хомякова, Бухарева, Достоевскаго, Вл. Соловьева, Несмѣлова, Н. Феодорова, хотя они и очень различны между собой. Остается пустыня. Не дѣлая никакого различія между догматами и богословскими ученіями, что есть католическая тенденція, м. Сергій принужденъ отрицать всякое богословское творчество. Творческая мысль требуетъ таланта, данного отъ Бога, а къ таланту существуетъ ressentiment. Это есть православный нигилизмъ, вражда къ культурѣ. Существуютъ не только обязательные догматы православной Церкви, но существуетъ и обязательная, едина, богословская доктрина православной церкви и непогрѣшимъ хранителемъ этой богословской доктрины является м. Сергій и его синодъ. Непонятно, откуда взялось такое пониманіе православія. Въ православіи нѣть даже обязательныхъ «символическихъ» книгъ. О. С. Булгакова можетъ утѣшить то, что не было ни одного учителя церкви, который не обвинялся бы въ той или иной ереси. Всякое творческое проявленіе богословской и религіозно-философской мысли, всякая новая проблематика встрѣчались обвиненіями въ ереси. Я воспринялъ указъ, какъ исходящій отъ религіи синагоги, религіи книжниковъ и фарисеевъ. Христіанство въ исторіи постоянно перерождалось и выраждалось въ религию законничества. Православные митрополиты, хотя и противопоставляли себя католичеству, но постоянно стремились къ непогрѣшимости, къ коллективному папизму, который гораздо хуже папизма индивидуального. Грѣховная воля къ власти, къ господству и тиранию постоянно терзала христіансскую исторію и ею слишкомъ многое объясняется. И тутъ пора, наконецъ, исправить несправедливость относительно католичества.

Когда православные критиковали католичество, то они обыкновенно обвиняли его въ авторитарности, въ отрицаніи свободы совѣсти и мысли, въ инквизиції. Тютчевъ писалъ о папѣ: «Его погубить роковое слово: свобода совѣсти есть бредъ». Славянофилы, Достоевскій, да и всѣ официальные богословы, писавшіе противъ католичества, обличали католической клерикализмъ, насилия признающаго себя непогрѣшимымъ іерархического авторитета надъ совѣстью и мыслю вѣрующихъ. Предполагалось, что въ православіи есть больше свободы духа, нѣть клерикализма. Но такъ было лишь пока нападали на католичество. Когда же обращались къ внутренней жизни православной церкви, то никакой свободы не оказывалось, меньше, чѣмъ въ католичествѣ. Хомяковъ, который училъ о свобо-

дѣ, какъ основѣ православной церкви, не могъ въ Россіи напечатать своихъ богословскихъ произведеній, долженъ былъ ихъ напечатать на французскомъ языкѣ. Бухаревъ претерпѣлъ настоящее гоненіе. Несмѣловъ долженъ былъ передѣлать заключеніе своей диссертациі о св. Григоріи Нисскомъ въ обратномъ смыслѣ, чтобы она была принята въ Духовной Академії (*). Вл. Соловьевъ много го не могъ напечатать въ Россіи и былъ всегда на подозрѣніи. Духовная цензура дѣлала невозможной развитіе русской богословской мысли въ Россіи. Пусть не ссылаются на зависимость церкви отъ государства. Епископатъ всегда отличался низкопоклонствомъ по отношенію къ государственной власти. Но если бы дать волю епископамъ, то духовный гнетъ былъ бы еще больше. Свободу утверждало не офиціальное православіе, не церковная іерархія, а русскій православный «модернізмъ», болѣе вѣрный истокамъ христіанства. Совершенно тоже было въ соборности. У Хомякова были геніальные интуїціи о свободѣ и соборности, но онъ не соотвѣтствовали фактическому положенію православной церкви. Соборность существовала въ ідеѣ, а не въ практикѣ. Нужно рѣшительно сказать, что у католиковъ гораздо больше свободы мысли, чѣмъ у православныхъ и именно не въ отвлеченной концепціи, а въ практикѣ. Поэтому въ католичествѣ возможна была богатая и разнообразная богословская литература. Я не говорю уже о западномъ средневѣковьи, когда свобода мысли въ католичествѣ была велика, большая, чѣмъ въ новое время. Поэтому въ средневѣковьи возможенъ былъ расцвѣтъ очень разнообразныхъ, боровшихся между собой богословскихъ, философскихъ, мистическихъ школъ. Ничего равнаго этому не было на православномъ востокѣ. И сейчасъ католическая мысль находитъ возможность двигаться, отвѣтывать на проблемы нашей эпохи безъ того, чтобы быть окончательно удушающей. Такъ наприм., среди французскихъ католиковъ-томистовъ, т. е. людей дорожащихъ ортодоксіей, создается цѣлое движение неогуманизма, очень радикальное въ вопросахъ соціальныхъ и культурныхъ, стоящее на высотѣ современной проблематики. Въ этомъ движении участвуютъ и священники, монахи-доминиканцы и др. И ихъ оставляютъ въ покоѣ. Ничего подобного нельзя себѣ представить въ православной средѣ, среди православнаго духовенства и монашества, которыхъ прежде всего нуждаются въ культурѣ и просвѣщеніи. Самый обскурантскій клерикализмъ возвращается среди православныхъ. У насъ есть только одиночки, находящіеся въ трагическомъ положеніи. Для этой мучитель-

---

*) О своихъ страданіяхъ отъ духовной цензуры Несмѣловъ рассказалъ въ личномъ письмѣ ко мнѣ.

ной темы я считаю наиболѣе потрясающей судьбу «Легенды о Великомъ Инквизиторѣ». Ее очень привѣтствовалъ К. Побѣдоносцевъ, котораго вся мыслящая Россія считала Великимъ Инквизиторомъ. Это недоразумѣніе возможно было только потому, что онъ относилъ Легенду о Великомъ Инквизиторѣ исключительно къ католичеству и не допускалъ мысли, что она можетъ относится и къ православію. Повидимому, и самъ Достоевскій недостаточно понималъ то, что онъ написалъ въ геніальной Легендѣ, и можетъ быть испугался бы ея послѣдовательныхъ выводовъ. Въ дѣйствительности въ Легендѣ Достоевскій возсталъ противъ всякой религіи авторитета, какъ соблазна антихриста, гдѣ бы и когда бы она ни проявилась. Это небывалый гимнъ свободы Духа, самая крайняя форма религіознаго анархизма. Легенда имѣть католическое обличье, но она относится не только къ католичеству, она относится и къ православію, какъ относится и къ авторитарной религіи атеистическаго коммунизма. Авторитетъ въ религіи для Достоевскаго есть духъ антихриста, принятіе искушенія, отвергнутаго Христомъ въ пустынѣ. И этому соблазну подвергались всѣ историческая церкви. И всегда оправдывались такъ, какъ и Великий Инквизиторъ, заботами о «малыхъ сихъ». Указъ м. Сергія вполнѣ въ Духѣ Великаго Инквизитора, но безъ поэзіи и меланхоліи послѣдняго. Нужно перестать обвинять католичество, лучше на себя оглянуться. Если русскому христіанству предстоить возрожденіе, то оно должно преодолѣть свое самодовольство, свой затхлый провинціализмъ, свой нехристіанскій націонализмъ, оно должно войти въ міровую ширь.

Я не духовное лицо, не догматикъ и не богословъ, я вольный философъ, и потому въ критикѣ указа м. Сергія я буду стоять на иной почвѣ, чѣмъ та, на которой принужденъ стоять о. С. Булгаковъ. Спора о ересяхъ я не принимаю и попытаюсь дать свой психологической и соціологической анализъ понятій ортодоксіи и ереси. Какъ философа меня поразило то, что м. Сергій говоритъ о Платонѣ и Плотинѣ, величайшихъ философахъ древности. Онъ считаетъ предосудительными ссылки о. С. Булгакова на Платона и Плотина и видѣть въ этомъ изобличеніе источниковъ богословскихъ «ересей» о. С. Булгакова. Ему кажется яснымъ, что этими источниками является языческая философія. Нужно рѣшительно протестовать противъ самого этого выраженія, затхло семинарскаго. Философія Платона и Плотина есть не языческая философія, а просто философія. Непонятно, какую философію м. Сергій призналъ бы допустимой. Не философію Канта и Гегеля и врядъ ли философію св. Єомы Аквината и Дукса Скота. Ясно, что онъ вообще отрицаетъ философію и считаетъ ее дѣломъ нечестивымъ. Но этимъ самимъ онъ долженъ отрицать и богословіе, такъ какъ

богословіє невозможно безъ філософії, безъ категорій мысли, выработанныхъ філософієй. Слишкомъ ізвѣстно, что греческая патристика была пропитана греческой філософієй, неоплатонизмомъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ, величайшій авторитетъ православія, былъ проникнутъ аристотелизмомъ, какъ и западная схоластика. Не думаетъ ли м. Сергій, что православіе есть чистый фідеїзмъ или что то въ родѣ религії чувства? Но тогда онъ гораздо ближе къ нѣкоторымъ протестантскимъ теченіямъ (Шлейермахеръ, Ричль), чѣмъ къ греческимъ учителямъ церкви. Безспорно о. С. Булгаковъ платоникъ. Самъ я не платоникъ и исповѣдую вѣроятно въ глазахъ м. Сергія гораздо худшу філософію, чѣмъ платонизмъ. Но интересно знать, съ какихъ поръ быть платоникомъ есть ересь и преступленіе? Конечно, богословіе о. С. Булгакова есть гностись, религіозное знаніе, а не администраторіальный синодальний указъ. Но это не значить, что онъ имѣеть что либо общее съ Валентиномъ или Василидомъ. Думаю, что ничего общаго не имѣеть. Гностики имѣли дуалистическую тенденцію, что совершенно противоположно софіологии. Да и что ізвѣстно о гностикахъ кромѣ того, что писали о нихъ враги, искажавшіе ихъ идеи? Боюсь, что о гностикахъ знаютъ столько же, сколько м. Сергій узналъ объ идеяхъ о С. Булгакова по изложению г. Ставровского. Но въ свободныхъ и цивилизованныхъ государствахъ ревнителемъ ортодоксіи не дано права истреблять произведенія тѣхъ, кого они обличаютъ въ ересяхъ. Несмотря на смутность богословскихъ идей, выраженныхъ въ указѣ м. Сергія, одно ясно — онъ стоить исключительно на сотеріологической почвѣ, т. е. допускаетъ лишь мысль относящуюся къ спасенію. Это очень характерно и вполнѣ понятно. Исключительно сотеріологическое, т. е. утилитарное пониманіе бого воплощенія, сведеніе всего христіанского міросозерцанія къ сотеріологии даетъ возможность укрѣплять организацію власти. За этимъ скрыты инстинкты господства и власти. Тѣ, которые держать въ своихъ рукахъ ключи спасенія, властвуютъ надъ человѣческими душами. Это очень выгодно для теоріи Великаго Инквизитора. Въ указѣ о. С. Булгаковъ обвиняется даже въ отрицаніи вѣчныхъ адскихъ муکъ, хотя объ этомъ ничего нѣть въ его книгахъ. Но это излюбленный мотивъ сотеріологическихъ теченій. Именно ученіе о вѣчныхъ адскихъ мукахъ всегда было главной опорой власти, господства и религіозной тираніи. Въ спорѣ м. Сергія съ о. С. Булгаковымъ мнѣ представляется самымъ важнымъ не вопросъ о Софії, а вопросъ о бого воплощеніи. Есть ли бого воплощеніе исключительно дѣло спасенія или оно есть продолженіе міротворенія? Есть ли вочеловѣченіе Сына Божія случайность, вызванная грѣхомъ,

исправлениі ошибки или сно входитъ въ планъ міротворенія? И не есть ли бого воплощеніе міровой божественный процессъ? М. Сергій отрицаєтъ основную идею, выношенную всей русской религіозной мыслью, идею Богочеловѣчества, онъ отрицаєтъ сообразность между Божествомъ и человѣчествомъ, человѣчность Бога и человѣчность христіанства. И этимъ онъ возвращается къ до-христіанскому сознанію, которое впрочемъ всегда играло большую роль въ официальномъ христіанствѣ.

Перехожу къ основному вопросу объ ортодоксіи и ереси. Для меня совершенно ясно, что понятія ортодоксіи и ереси носятъ соціологический характеръ. Ортодоксія есть религіозное сознаніе коллектива и за ней скрыто властовданіе коллектива надъ своими членами. Это есть организованное господство рода надъ индивидумомъ. Природа ортодоксіи и ереси очень ясна въ русскомъ коммунизмѣ. Вся совѣтская коммунистическая философія стоитъ подъ знакомъ различенія ортодоксіи и ереси, а не истины и заблужденія. Черезъ ортодоксію центральные органы коммунистической партіи властуютъ надъ человѣческими душами. Это тоже есть своеобразная, антихристіанская сoteriология. Еретики обрекаются на гибель. Это есть подражаніе тому, что раньше утверждалось въ религіозной сфере. За исканіями и осужденіями ересей всегда были скрыты инстинкты власти и инстинкты садизма, который вообще игралъ огромную роль въ религіозной исторіи. Все ученіе объ адѣ есть порожденіе садизма однихъ и мазохизма другихъ. Осужденіе ересей всегда имѣло церковно-политические мотивы и за нимъ всегда скрывалась злобность. Совершенно ошибочно думать, что паѳость ортодоксіи есть паѳость истины. Ортодоксія и истина совершенно разныя понятія и за ними скрыты разные мотивы. Паѳость ортодоксіи есть паѳость властовданія, господства и принудительного единства, а не паѳость истины и познанія. Ортодоксальная доктрина не есть познаніе и отрицаєтъ познаніе. Она всегда носить утилитарный характеръ. Пусть лучше консервативные ортодоксы не ссылаются на любовь къ истинѣ, это имъ не къ лицу. Именно они не только мирились съ безсовѣстнымъ искаженіемъ церковными историками исторической истины, но и отлучали тѣхъ, которые историческую истину защищали. Нѣмецкая протестантская наука имѣть огромныя религіозныя заслуги, именно потому, что она искала истины. Фальсификація исторіи есть специальное порожденіе ортодоксіи. Ортодоксія марксистская не отличается тутъ отъ ортодоксіи религіозной. Истина раскрывается лишь черезъ свободу, а не черезъ авторитетъ удушающей мысли. Властовданіе въ церкви носить соціальный характеръ и во всемъ подобно властовданію въ государствѣ или въ первобытныхъ ордахъ и племенахъ. Все тутъ обратно

Евангелію, обратно Царству Духа, все основано на невѣрии въ Духъ. Христіанская реформа требуетъ окончательного преодолѣнія понятій ортодоксіи и ереси, какъ имѣющихъ явно соціальный и утилитарный характеръ, и замѣна ихъ понятіями истины и заблужденія или лжи. Истина даетъ свободу, освобождаетъ, ортодоксія же поражаетъ инквизиціонный застѣнокъ и даетъ свободу лишь садическимъ инстинктамъ властивующихъ. Христосъ о себѣ сказалъ, что онъ есть Истина, а жаждущая власти система понятій говоритъ, что она есть ортодоксія. Христосъ сказалъ также, что онъ есть путь и жизнь. Ортодоксія же отрицає путь и жизнь. Если уже употреблять это слово, то единственная настоящая ересь есть ересь противъ христіанской жизни, а не ересь противъ доктрины и той или иной системы понятій. Указъ м. Сергія и есть ересь противъ христіанской жизни. Именно изъ стремленія къ истинѣ и изъ любви къ истинѣ человѣкъ можетъ отвергнуть систему понятій, которая объявляеть себя ортодоксіей, но съ которой не мирится чуткая совѣсть, не мирится интеллектуальная честность. Догматы лишь символы духовнаго опыта и духовнаго пути, а не застывшая система понятій, не интеллектуальная доктрина, которая всегда принадлежать временемъ и меняться. Религіозная истина можетъ быть принятая лишь активно цѣлостнымъ духомъ человѣка, его просвѣтленнымъ разумомъ и совѣстью. Никто кроме раба не можетъ принять навязанную авторитетомъ доктрину, если совѣсть ее не приемлить, если свобода на нее не соглашается. Безъ моей свободы ничто для меня не имѣть смысла. Феноменологически свободѣ принадлежитъ приматъ надъ авторитетомъ. Авторитетъ существуетъ, если въ него вѣрять. Но это значитъ, что вѣрѣ принадлежитъ приматъ надъ авторитетомъ. И въ католическомъ мірѣ, когда авторитетъ пытается насиливать совѣсть и сознаніе католиковъ, то никто по настоящему не принимаетъ этого насилия. Или молчатъ и скрываютъ свои мнѣнія, или разрываются. Религіозная жизнь относится къ духовному плану бытія и значитъ въ ней ничто не имѣть смысла безъ свободы. Но авторитетъ пытается господствовать черезъ терроръ, связанный съ угрозами гибели и вѣчнаго ада. Въ этомъ его нижность, лишающая духовную жизнь всякой цѣнности. Это есть религія въ соціальномъ, а не въ духовномъ планѣ. Въ указѣ м. Сергія я вижу то же невѣріе въ духъ, ту же вѣру въ средства, подобныя средствамъ государства, взятыя изъ міра соціальныхъ отношеній господства, что во всѣхъ церковно-административныхъ и правительственныхъ актахъ. Люди церковнаго авторитета — маловѣры, они отрицаютъ духъ, вѣрять лишь въ міръ видимыхъ вещей и его методы. Духъ Божій дѣйствуетъ лишь черезъ Духъ. Не можетъ быть критерія св. Ду-

ха, взятаго изъ низшихъ сферъ бытія, самъ св. Духъ есть критерій.

Сознаніе консервативныхъ церковныхъ людей, особенно людей церковной власти, предшествуетъ критикѣ познанія, оно находится въ стадіи наивнаго реализма. Поэтому не понимаютъ двучленности откровенія, не понимаютъ активности человѣка въ принятіи откровенія, отношение между субъектомъ и объектомъ откровенія истолковываютъ наивно-реалистически. Откровеніе предполагаетъ не только Бога, но и человѣка. Не можетъ быть откровенія куску дерева или камню. Духъ открывается лишь духу. И человѣческій духъ всегда активенъ въ принятіи откровенія. Откровеніе преломляется въ человѣческой стихіи и ею обусловливается, оно выражается на человѣческомъ языке и въ категоріяхъ человѣческой мысли. Отсюда ступени откровенія. Отсюда развитіе. Отсюда относительность и условность многаго признаннаго священнымъ въ прошломъ, но связаннаго съ человѣческой ограниченностью. Отсюда и неизбѣжность постояннаго очищенія христіанства. Структура человѣческаго сознанія мѣняется, духовное состояніе человѣка бываетъ разное. Человѣкъ творчески реагируетъ на то, что ему открывается свыше. Передъ человѣкомъ, какъ свободнымъ духомъ, ставятся все новыя проблемы и требуютъ отвѣта. Есть проблемы, которыхъ совсѣмъ не были поставлены вселенскими соборами. Проблемы космоса и человѣка, тайна тварнаго міра совсѣмъ не предстояли вселенскимъ соборамъ и учителямъ церкви. Нѣть догматовъ о человѣкѣ и космосѣ, есть лишь догматъ о Св. Троицѣ и Христѣ. Поэтому неизбѣжны догматическое броженіе и борьба. Я не являюсь сторонникомъ ученія о Софії по сложнымъ философскимъ основаніямъ, но признаю большее значеніе за проблематикой связанной съ этимъ ученіемъ. У меня есть беспокойство, связанное съ ученіемъ о Софії, обратное беспокойству консервативныхъ ортодоксовъ, я боюсь возможныхъ консервативныхъ выводовъ изъ этого ученія, боюсь сакралізациіи въ исторіи того, что не можетъ быть сакрально, напр., теократического государства, собственности, формъ органическаго быта и т. п. Но я солидаризуюсь съ о. С. Булгаковымъ въ его новой проблематикѣ и въ его борьбѣ за свободу религіозной мысли. Мнѣ иногда кажется, что если бы не употребляли греческое слово Софія, а употребляли лишь русское слово Премудрость, то оставили бы въ покоѣ. Это показатель ничтожества и жалкости человѣческихъ обвиненій.

Указъ м. Сергія какъ будто бы предполагаетъ, что всякий членъ Московской Патріаршіей Церкви долженъ раздѣлять богословскія мнѣнія, выраженные въ указѣ и присоединиться къ осужденію о. С. Булгакова. Тема указа, по моему убѣж-

денію, не имѣть никакого отношенія къ церковнымъ распрымъ юрисдикції. Но какъ членъ этой Церкви я долженъ рѣшительно заявить, что отношусь къ осужденію о. С. Булгакова съ величайшимъ негодованіемъ, какъ къ обскурантскому насилию надъ мыслю и богословскія идеи этого указа не только не раздѣляю, но считаю стоящими на очень низкомъ уровнѣ мысли. Отсюда могутъ сдѣлать относительно меня соотвѣтствующіе выводы. Но заранѣе долженъ сказать, что не подчиняюсь никакому насилию надъ человѣческой совѣстю и мыслию. Печально думать, какъ гонимые легко превращаются въ гонителей.. Я остаюсь въ Церкви Христовой, основанной на любви и свободѣ. За свободу и творчество въ религіозной жизни, за достоинство человѣка нужно вести героическую борьбу. Истина не есть вещь, предметъ, не есть падающая съ неба система понятій, она творчески раскрывается и завоевывается въ пути и въ жизни. Истина дана не для сохраненія въ какомъ-то мѣстѣ а для осуществленія въ полнотѣ жизни и для развитія.

Николай Бердяевъ.